

В. А. Шкерин
**РУССКИЙ ДВОРЯНИН В ДОРОГЕ:
 ПУТЕШЕСТВИЯ С. Д. НЕЧАЕВА 1820-х гг.**

УДК 94(470)“18”

ББК 63.3(2)521.1

В центре внимания исследования — личность автора-путешественника Степана Нечаева и влияние на ее развитие двух вояжей, предпринятых в 1820-е гг. Несмотря на хронологическую близость, эти поездки различались между собой рядом принципиальных характеристик. На Кавказ Нечаев ездил в 1823 г. по собственной воле, для этнографического изучения и литературного описания малознакомого края. Автор надеялся, что собранный материал поможет ему обрести литературную славу. Путешествие на Урал он предпринял в 1826–1827 гг. по делам службы и вел путевой дневник не ради последующей публикации, но для предоставления отчета начальству. На Урале Нечаев занимался изучением старообрядцев и сектантов, и успешное выполнение этого задания определило его дальнейшую карьеру в Синоде. Изменилась и общая политическая ситуация в стране. Первая поездка пришлось на эпоху либерального правления Александра I. Второе путешествие выпало на время тревог после разгрома восстания декабристов, когда молодой царь Николай I был склонен всюду подозревать действия тайных обществ. Нечаев ранее состоял в одном из таких обществ, был дружен с К. Рылеевым, А. Бестужевым и другими декабристами-литераторами и сам попал под подозрение у жандармов. Но три месяца, проведенные им на Урале, позволили ему избежать преследования.

Ключевые слова: *путешествие, путевые записки, травелог, литература путешествий, С. Д. Нечаев, движение декабристов, Кавказ, Урал, старообрядцы, сектанты, первая половина XIX в.*

Не раз мне с дела и с безделья,
 Не раз с унынья и с веселья,
 С излишества добра и зла,
 С тоски столичного похмелья
 О четырех колесах келья
 Душеспасительна была.

П. А. Вяземский, 1826 г.

Человек создает травелоги с тех давних пор, когда среди путников появились грамотные люди. Истоки жанра восходят, по меньшей мере, к описанию странствий Геродота и к «Анабасису» Ксенофонта, но и эти авторы ссылались на труды предшественников (Аристея из Проконнеса, Ктесия из Книды), дошедшие до нас лишь в пересказах и фрагментах. Столетиями травелоги облекались в формы путевых записок паломников и торговцев (в том числе в форму русских «хожений»¹), реляций иезуитов, отчетов дипломатов, хроник воен-

ных экспедиций и дневников экспедиций академических. Превращение травелогов в синтетический литературный жанр датируют XVIII–XIX вв., когда средневековая ксенофобия уступила место открытости Просвещения, европейская экспансия достигла удаленных уголков планеты, а печатный станок позволил авторам жить литературным трудом. Тогда составление путевых записок стало не только результатом путешествий, но порой и их мотивом, целью.²

Разумеется, появление литературы путешествий предполагало воспитание соответствующей читающей публики, в России того времени представленной почти исключительно дворянством. Русский дворянин XVIII в. был человеком скорее статичности, чем динамики. Так, «старая дама» в пушкинском наброске «Романа на Кавказских водах», услышав, что ее подруга («дама 45 лет») собралась везти дочь на Воды, воскликнула: «На Кавказ! да ведь это ужасно как далеко. Охота тебе тащиться бог ведает куда, бог ведает зачем». Поскольку речь идет о 1810-х гг., то «старая дама» (которой «далеко... тащиться

¹ См.: Малето Е. И. Русские средневековые хождения в отечественной и зарубежной историографии. История и перспективы изучения // Тр. Ин-та российской истории РАН. 2005. № 5. С. 38–63.

² См.: Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. Казань, 2014. № 3 (37). С. 255.

с Басманной на Арбат») — несомненный образчик нравов минувшего века. Лет 20–25 назад она уже едва ли следила за новинками литературы. Младшая же ее подруга, наверное, была захвачена волной интереса, вызванного почти одновременным изданием в 1790–1791 гг. двух отечественных травелогов — «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. При всем различии этих сочинений и судеб их авторов они совместно способствовали популяризации дворянских путешествий по России и за ее пределами, равно как и увеличению числа изданных и оставшихся в рукописях путевых заметок.

«В 1823-м году был я на водах Кавказских не с одним намерением поправить свое здоровье, но гораздо более для того, чтоб удовлетворить справедливое любопытство, чтоб осмотреть весь полуденный Восток России, — признавался один из таких вояжеров. — Из Москвы выбрал я путь кратчайший на Воронеж и Черкасск, но из Георгиевска возвратился в свою сторону совсем иною дорогою, чрез Моздок, Кизляр, Куманскую степь, Астрахань и Сарепту».³ В «пошпорте», выписанном по этому поводу 18 мая 1823 г., о любопытстве, разумеется, ни слова: «Объявитель сего, директор училищ Тульской губернии г. коллежский асессор Степан Нечаев уволен... для излечения к Кавказским Минеральным водам».⁴

Впечатления от этого вояжа Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) изложил в формах художественной и документальной: в «Полярной звезде на 1825 год» было опубликовано его стихотворение «Воспоминания», а в одном из номеров «Московского телеграфа» за 1826 г. — прозаические «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России». К тому времени он пользовался некоторой известностью как «ревностный любитель наук и просвещения», сторонник «ланкастерова метода»,⁵ как поэт, деливший свои симпатии меж «классиками» и «романтиками»,⁶ а также как автор публикаций в модном тогда жанре «мысли и замечания». В последних он нередко уподоблял жизнь путешествию, делая это сравнение год от года

мрачнее: «Жизнь человеческая походит на путешествие чрез гору, которой вершина представляет зрелые наши лета. Возвышенные места более подвержены дуновениям бури и громовым ударам; так и средний возраст человека более возмущается страстями и обстоятельствами. Спокойствие обитает только в долинах, откуда начал он и где окончит свое течение» (1819); «Совершая продолжительное путешествие в сем мире, мы принуждены бываем проходить мимо многих драгоценных нам могил» (1820), «Что значит жизнь наша? Путешествие в могилу. С каждым днем переступаем мы на новую ступеньку» (1825).⁷

На фоне бурного начала XIX в. Нечаев не мог похвастать полнотой и яркостью собственной жизни. Военская стезя была для него закрыта «по недостатку в ноге». А вот его приятеля Федора Глинку сам В. А. Жуковский сравнивал с Ксенофонтом за «Письма русского офицера», приравнявшие описанием все новых походов и выходявшие отдельными изданиями в 1808, 1815–1816 и 1821 гг. Александр Пушкин эплет не носил, зато, посетив Воды в 1820 г., объявил, что «... Бешту, пустынный величавый, / Аулов и полей властитель пятиглавый», стал для него новым Парнасом («Кавказский пленник»). Так литературное соперничество (оно же «справедливое любопытство») позвало Нечаева в дорогу и повлияло на выбор маршрута. Не случайно Воды стали «перекрестком» его «Воспоминаний» и «Отрывков». Последние вообще ограничены описанием Горячеводска (ныне Пятигорска) с окрестностями.

Но маршрут — не пунктир на карте, а культурное пространство, выстраиваемое путником в согласии с собственными целями и интересами. Композитор М. И. Глинка, посетивший Пятигорск одновременно с Нечаевым, вспоминал о действии кисло-серных ванн, о неустроенности молодого курорта, о горах, орлах и сантуринском вине и лишь мельком — о том, что «видел пляску черкешенок, игры и скачку черкесов».⁸ И Нечаев, конечно, «с подножия Машуки» (горы Машук) обозрел снеговую гряду от Эльбруса до Казбека, посетовал на дороговизну, помянул мух, блох и саранчу. Однако большая часть его «Отрывков» отдана этнографическому обзору: описаниям немецких колонистов, черкесов, калмыков;

³ Нечаев С. Д. Воспоминания // Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 111.

⁴ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁵ Глаголева О. Е. Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Тула, 1991. Т. 2. С. 337–342.

⁶ См.: Вацура В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 215, 216.

⁷ Нечаев С. Мысли // Вестн. Европы. 1819. № 12, ч. 105. С. 304; 1820. № 23, ч. 114. С. 217; Он же. Мысли и замечания // Вестн. Европы. 1825. № 2, ч. 140. С. 147.

⁸ Записки М. И. Глинки. М., 2004. С. 42, 43.

сравнению донских казаков с линейными. Отсчитывая историю европейской этнологии с середины XIX в., не понять появления столь преждевременного интереса у дилетанта. Для этого нужно согласиться «с неудобным фактом появления фундаментальных трудов по народоведению в России веком ранее».⁹ Просвещенному дворянину могло быть знакомо не только «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги (1779 г.), но и продолжавшее на тот момент издаваться «Полное собрание ученых путешествий по России», очередной том которого (1819) был сугубо этнографичен.¹⁰ Ассоциируясь с путешествиями, «народоведение» вышло за рамки академических компетенций и стало модой. «Наконец приехал я в Париж, — писал князь С. Г. Волконский, отнюдь не академический ученый, но ветеран трех войн и генерал-майор, — по обычаю моему, и впоследствии следуемому, мало заботился я об обзоре местностей и артистических знаменитостей, а изучал народности и людей».¹¹

В 1823 г. из Горячеводска к источникам у горы Железной начали прокладывать 16-верстную колесную дорогу.¹² По ней-то Нечаев и отправился «изучать народности». Первой на пути лежала колония Шотландка, или Каррас (ныне поселок Иноземцево): «Верст восемь от Горячих вод, при подошве Бештовой горы, поселилось с давнего времени несколько семейств немецких колонистов. Чистенькие домики окружены садами; посредине селения протекает ручей, который разделяясь на побочные канавки, орошает огород каждого земледельца. Везде довольство, порядок, опрятность. Особенного внимания заслуживают из них гернгутеры. Набожные правила, в которых они воспитаны, обнаруживаются преимущественно в их честности, добродушии и трудолюбии. <...> Тут же имеют свое пребывание миссионеры, присланные из Эдинбурга для обращения горских народов. Прежде находилась в колонии и заведенная сими от-

цами арабская типография, теперь перенесена она в Астрахань».¹³

Точность описания подтверждена многими свидетельствами. Эдинбургское Библийское общество в ноябре 1802 г. получило высочайшее дозволение основать миссию, первые миссионеры приехали следующим летом. Здесь они столкнулись, по словам декабриста А. Е. Розена, «с великими неудобствами»: ¹⁴ болезнями, набегами горских «хищников», противодействием части русской администрации. Поскольку земли было много, руководство миссии уже в 1808 г. призвало на помощь немецких колонистов из волжской Сарепты. Партии немцев прибывали в 1809, 1810, 1813 гг. Шотландцев оставалось все меньше, пока в 1815 г. почти все они не перебрались на вновь выделенные земли в Оренбург. Колония же продолжила снабжать Горячие и Железные воды фруктами и овощами, хлебом и маслом, а также принимать любопытных посетителей.¹⁵

Кусочек Европы на азиатской окраине (для путешественника тут уже Азия; вспомним пушкинское «Я видел Азии бесплодные пределы...») был любопытен, но подлинную здешнюю экзотику составляли, конечно, горцы. В представлении Нечаева они делились на два отряда. Об одном он размышлял, любясь «с подножия Машуки» недоступным Эльбрусом: «...горе любопытному, дерзающему проникнуть в последний приют необузданной свободы! Разбой составляет главное упражнение горских народов, мщение — главную страсть. Дерзость их наездников известна...»¹⁶ Эти невиданные им народы были абстрактны и обобщены им в этнониме «лезгины, самое дикое племя на Кавказе». Источником столь «пышных» сведений мог выступить штабс-капитан А. И. Якубович, человек одновременно храбрый и хвастливый. Командуя в 1823 г. отрядом на Малке, Баксане и Чегеме, «на Святую неделю он зашел со своей партией так далеко, что добрался почти до Эльбруса».¹⁷

⁹ Головин А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Урал. ист. вестн. 2015. № 3 (48). С. 59.

¹⁰ Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук по предложению ея Президента. СПб., 1819. Т. 2.

¹¹ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 313.

¹² См.: Верховец А. Д. Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных вод: 1825–1830 гг. Пятигорск, 1911. С. 70.

¹³ Нечаев. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. Ч. 7, № 1. С. 32.

¹⁴ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008. С. 277.

¹⁵ См.: Вейденбаум Е. К истории Шотландской колонии около Пятигорска // Изв. Кавказ. отд. Имп. Рус. Геогр. о-ва. 1881. Т. 6, № 1. С. 170–174; Краснокутская Л. И. Меры правительства Российской империи по обустройству шотландских колонистов на КМВ // Каррас. науч. чтения, посвящ. 210-летию со дня основания пос. Иноземцево. Пятигорск, 2013. С. 32–41; Плохотнюк Т. Н. Образование шотландской колонии Каррас в контексте миграционной политики России на Кавказе (последняя четверть XVIII–XIX вв.) // Там же. С. 7–21.

¹⁶ Нечаев. Отрывки... С. 29, 30.

¹⁷ Потто В. А. Кавказская война. М., 2006. Т. 2. С. 327.

«Кавказских рыцарей краса», — писал о Якубовиче Нечаев в дружеском стихотворении, помеченном «10 августа 1823. Кисловодск».

Впрочем вблизи Вод жили и гостеприимные кавказцы. Нечаев отмечал: «При подошве Бештовой горы видны два аула мирных черкесов. Я имел случай быть в одном из сих селений, у жены сосланного в Сибирь Узденя Каспаго».¹⁸ Далее следует описание жилищ, одежды, обычаев и хозяйства, причем более обстоятельное, чем описания других виденных Нечаевым народов. Наблюдения его вновь точны (согласуются со сведениями иных информаторов), хотя знакомство, конечно, не было глубоким. Это заметно по неверной передаче фамилии узденя и названия аула. В то время «под Бештовою горою» располагалось не два, а, минимум, четыре аула — Аджиев, Кармов, Абезыванов и Кошев. Черкесский аул — не русская деревня: основу хозяйства составляло не земледелие, а животноводство, значит, не было и такой привязанности к месту. Ученые-путешественники с удивлением отмечали, что аул мог переехать уже потому, что скопилось «слишком много отбросов и навоза».¹⁹ Судя по текстам XVIII в., а также по «Плану Кавказской области Георгиевского уезда» 1819–1827 гг. (на котором у Бештау отмечено только два аула), наиболее прочно тут обосновались Аджи-аул (Хаджихабле, Хаджи-Кабак) и Кармов-аул (Кармовхабле).²⁰ Вероятно, Нечаев посетил один из них.

Внести в этот вопрос некоторую определенность помогает имя нового нечаевского знакомца: «Один из их Узденей, занимающийся разным торгом на Горячих водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой (черкесской, кабардинской. — В. Ш.) азбуки для напечатания».²¹ Речь идет о просветителе и фольклористе Шоре Бекмурзине Ногмове (1794–1844), авторе «Истории адыгейского народа».²² Учитывая значимость Ногмова для кабардинской культуры, спор о месте его жительства растянулся на десятилетия. В свое время автор этих строк был в числе тех, кто

считал таковым Аджи-аул.²³ Позднее появились публикации, доказавшие, что в 1823 г. Ногмов жил в ауле Кармов.²⁴ Наверное, и этнографические наблюдения Нечаева относятся к этому селению.

Предваряя публикацию «Отрывков», издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой сообщал, что «просит г. сочинителя продолжить помещение путевых своих записок» и «уверен, что описания Моздока, чеченцов, гребенских казаков, Кизляра и проч., виденные им в рукописи, будут любопытны и занимательны для просвещенных читателей».²⁵ Увы, описание дальнейшего маршрута осталось лишь в стихотворных «Воспоминаниях», упомянутая же рукопись так и не была обнародована. Помешали новые обстоятельства, в том же 1826 году «отправившие» Нечаева в следующее и на сей раз не вполне добровольное путешествие.

Среди разнообразных обществ — литературных, научных, благотворительных и масонских, — в которых состоял Нечаев, был и Союз благоденствия. После выступлений декабристов император Николай I повелел «истребовать... от всех находящихся в службе и отставных чиновников и неслужащих дворян» расписки в неучастии в тайных обществах. Принадлежавшие ранее к одному из них, обязывались сообщить о том, «под каким названием оно существовало, какая была цель и какие меры предполагалось было употребить». Нечаев об этой странице своей биографии умолчал. Коллежский же ассессор Д. И. Альбицкий сознался в «прикосновенности» к Союзу, «в который вступил членом в начале 1819 года по предложению бывшего тогда директором тульских училищ титулярного советника Степана Дмитриева сына Нечаева».²⁶ И тульский почтмейстер И. С. Бабаев поведал о нечаевской попытке вовлечь его в Союз. После этого начальник 2-го (Московского) округа корпуса жандармов генерал-майор А. А. Волков получил от своего шефа А. Х. Бенкендорфа указание собрать «полные сведения» о Нечаеве.²⁷

¹⁸ Нечаев. Отрывки... С. 32, 33.

¹⁹ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010. С. 138.

²⁰ См.: Кармов Р. К., Янова М. В. Обзор источников по происхождению аула «Кармово» (1793–1825 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7, № 5, ч. 2. С. 43–51.

²¹ Нечаев. Отрывки... С. 35.

²² Тресков И. В. Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. 199 с.

²³ См.: Шкерин В. А. От тайного общества до Святейшего Синода. Декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005. С. 68, 69.

²⁴ Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 218–227; Кармов Р. К., Янова М. В. Указ. соч. С. 45–46.

²⁵ Нечаев. Отрывки... С. 26.

²⁶ 14-го декабря в Московском университете. Сообщил М. Гершензон // Русская старина. 1910. № 2. С. 336.

²⁷ См.: Мухина С. Л. Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Ист. зап. М., 1975. Т. 96. С. 243.

Надворный советник Нечаев служил тогда чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе князе Д. В. Голицыне. Просвещенный вельможа был возмущен появлением на своей территории неподотчетных ему жандармов. Волков жаловался Бенкендорфу, что «партия генерал-губернатора» его «бдительно преследует» и «готовит стрелы пустить».²⁸ К тому же «некоторые из московских были замешаны в заговоре» и «на князя стали смотреть с недоверчивостью, как на слабого начальника».²⁹ Неудивительно, что Голицын счел делом чести обезопасить подчиненного, избрав для этого способ простой и действенный: генерал-губернатор отослал его по служебной надобности из Москвы подальше. «Ваше Высокоблагородие назначены в помощь к флигель-адъютанту полковнику графу Строганову для проведения порученного ему исследования; вследствие чего... я предписываю вам немедленно отправиться... в город Пермь по нахождению там ныне флигель-адъютанта...» — гласило предписание от 5 октября 1826 г.³⁰ Начальник же генерал-губернаторской канцелярии и собрат Нечаева по масонству А. А. Шафонский³¹ добавил от себя неофициально: «Крепитесь, мужайте и побеждайте».³²

Граф Александр Григорьевич Строганов и правда нуждался в толковом помощнике. Недавно учрежденная Комиссия розыскания похищений золота на Урале получила «извет» штейгера Хлобыстина о том, что управитель Кыштымских заводов Г. Ф. Зотов незаконно ведет золотодобычу на башкирских землях. Штейгер намекал на то, что он сильно рискует, ибо «во время проезда покойного Государя Императора Александра I чрез Пермскую губернию за одно намерение подать на Высочайшее имя просьбу два крестьянина Кыштымского завода, Косолапов и Седельников, по приказанию Зотова застрелены были из ружей при заводском исправнике...»³³ Поскольку оказалось затронуто «Высочайшее имя», рассле-

дование и было поручено флигель-адъютанту. Однако Строганов даже не предполагал, с каким противодействием столкнется. Григорий Зотов, приказчики и владелицы Кыштымских заводов — дочери купца Л. И. Расторгуева (на одной из них был женат сын Зотова Александр) — были старообрядцами. «Богатый владелец Кыштымских заводов Расторгуев не щадил ничего для поддержки раскола», — утверждал Д. Н. Мамин-Сибиряк.³⁴ «Лихвенные взятки» от Расторгуева, а после его кончины в 1823 г. — от наследников получали почти все горные чины Екатеринбург и многие значительные лица губернской Перми.³⁵ С лихоимством граф надеялся разобраться сам, но выяснилось, что никто во власти не представлял, как вообще устроен мир уральского старообрядчества, решавший свои проблемы через расторгуевскую казну. Тут-то Нечаев и пригодился.

Н. М. Карамзин поучал, что «идея, рождающаяся среди открытых полей, получает какой-то характер великости, новости, до которого никогда не достигнет идея, произошедшая в мрачном кабинете».³⁶ Нечаев вторил ему не далее, как в 1825 г.: «Но что еще вернее может заменить книги в размножении понятий, так это, бесспорно, путешествия неторопливые, с обозрением неповерхностным, по местам, достойным любопытства».³⁷ Поначалу ему казалось, что и этот вояж затеян ради любопытства, «размножения понятий», вдохновения. Даже стихи писал в записную книжку:

Нас кони мчали во всю мочь,
Звонки бренчать не преставали,
Под нами версты исчезали,
И слышались день и ночь
Возниц иноплеменных крики:
«Чердах, чердах, гайда-гайда».
И вторил гул дубравы дикой:
«Чердах, чердах, гайда-гайда».³⁸

Выехав из Москвы 7 октября, Нечаев нашел Строганова не в Перми и не в Екатеринбурге, а уже в Кыштыме лишь 26-го числа. Там были вскрыты доставленные пакеты, и Нечаев формально извещен (негласно, конечно, знал еще

²⁸ См.: Чукарев А. Г. Тайная полиция России: 1825–1855. М., Жуковский, 2005. С. 143, 144.

²⁹ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 231.

³⁰ Исследования о Пермском расколе в начале царствования императора Николая (Из архива С. Д. Нечаева) // Братское слово. 1893. Т. 1. С. 533, 534.

³¹ См.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. слов. М., 2001. С. 885, 1027, 1028.

³² РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

³³ Новокрещенных Н. Н. Из истории Кыштымских горных заводов // Тр. Перм. учен. арх. комис. Вып. 2. Пермь, 1893. С. 66.

³⁴ Мамин Д. Город Екатеринбург: Исторический очерк // Город Екатеринбург: сб. историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889. С. 23.

³⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 136. Л. 1–10.

³⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1984. С. 145.

³⁷ Нечаев. Мысли // Мнемозина. 1825. Ч. 4. С. 55.

³⁸ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 5. Л. 52.

в Москве) о том, что как «исследователь должен действовать официально только по главным обстоятельствам дела, сведения же предварительные и прикосновенные собирать сколько можно негласным образом» и что обо «всех своих действиях и не официальных, но к цели исследования относящихся... должен вести журнал и в свое время представить в подлиннике».³⁹

Так началось большое уральское путешествие Степана Нечаева. Позже он докладывал Строганову: «...я начал свои разыскания с города Екатеринбург, осведомляясь о влиянии тамошнего Общества Старообрядцев... объездил главнейшие заводы частные и казенные по восточному склону Уральских гор... возвратясь чрез Верхотурье и Ирбит в Екатеринбург для личных объяснений с Вашим Сиятельством, чрез употребленного мною агента... купца Клюквина удалось мне открыть в сем городе тайное общество скопцов. По отбытии Вашего Сиятельства в Оренбургскую губернию... я объехал юго-восточную часть Пермской губернии, начав с Каменского завода и Далматова... Из Шадринска проехал чрез разные волости на казенные винокуренные заводы Ектарский и Талицкий... Потом, распространяя свое исследование как о разных сектах беспоповщины, так и об умножении собственно так называемого Старообрядчества по западной части Пермской губернии, я был еще на многих заводах: Васильевском, Ревдинском, Уфалейском и проч. <...> Из Осы, оставляя в праве Оханск, где останавливался я по пути в Пермь, возвратился... в сей город проселочной дорогой чрез заводы Бизартской г. Кнауфа и Юговской казенный. Не найдя же Ваше Сиятельство в Перми, до возвращения вашего успел быть в Соликамске и Чердыни. Таким образом, в течение трех месяцев проехал в разных направлениях до 3500 верст по Пермской губернии...»⁴⁰

В случае с Нечаевым мы наблюдаем счастливое сочетание любопытства путешественника и рвения чиновника. Но провинция и без того была взбудоражена слухами о тайных обществах, а тут еще «инкогнито проклятое». Пермскому губернатору К. Я. Тюфяеву (человеку не зело образованному, из аракчеевских выдвинутым) Нечаев объяснил цели вояжа так: «...поездить по любопытнейшим местам вашей губернии и осмотреть в особенности главнейшие в оной заводы», дабы после «издать обозрение

всех мест весьма замечательное, ежели не по слогу и дарованию издателя, то... по важности и разнообразию содержания».⁴¹ Может, это и было отчасти правдой, но Тюфяев, конечно, не поверил этому и затеял перлюстрацию нечаевской переписки, по поводу чего путешественник высказывал неудовольствие пермскому почтмейстеру и самому начальнику губернии. Простым объяснениям визитера, кажется, вообще никто не верил. «Скажу, что Ваше Высокоблагородие все еще составляет загадку в глазах здешних жителей и начальников, — вас все еще почитают не Нечаевым, а кем-то вышним и полномочным, — доносил ему из Нижнего Тагила агент Улегов. — А черноисточенский иконник К. Полетаев, как слышно, находит в вас совершенное сходство с портретом великого князя Михаила Павловича».⁴²

Об успешной вербовке агентов за столь короткий срок нужно сказать особо. Екатеринбургский купец Василий Клюквин и тагильский заводской конторщик Феокист Улегов перешли из поморского согласия в официальное православие под влиянием священника Авраамия Оглоблина. Они не только делились с Нечаевым устными сведениями, но и доставляли ему книги и рукописи старообрядцев, равно как и собственные «заметки», «мнения» и «донесения». Клюквин даже внедрил в скопческую секту («Израильский двор»). Еще одним осведомителем стал мастеровой Киприан Пастухов, два года проживший в скиту близ Кыштыма. Скит был разорен башкирами: «Одного убили до смерти, один, забежав далеко, замерз, прочие спаслись бегством или спрятались в потаенных подземельях, которые обыкновенно выкапывают в горах под своими кельями. <...> Испуганный Пастухов воспользовался сею сумятицею, чтоб навсегда распоститься с таким иночеством».⁴³

Второе путешествие Нечаева осталось запечатленным в самых разных документах — от наскоро заполненных дорожных записных книжек до составленных еще на Урале «Первых замечаний о раскольниках Пермской губернии» и, наконец, большой аналитической «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии», датированной 5 февраля 1827 г.⁴⁴ К жанру документального травелога ближе

³⁹ Там же. Д. 35. Л. 1, 2.

⁴⁰ Там же. Д. 111. Л. 7–8 об.

⁴¹ Там же. Д. 113. Л. 1 об.–2.

⁴² Из архива С. Д. Нечаева // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 257, 258.

⁴³ Там же. С. 745.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 283–350.

всего дорожный дневник, или журнал, который Нечаев вел согласно данной ему инструкции с октября 1826 г. по январь 1827 г.⁴⁵

Для самого Нечаева уральский вояж имел ряд важных последствий.

Во-первых, это поручение помогло ему избавиться от жандармского интереса. В апреле 1827 г. Волков докладывал Бенкендорфу, что «сколько ни старался разведать о г. Нечаеве, но ничего более узнать не смог, как только, что г. Нечаев в какой-то отдаленной губернии находится с флигель-адъютантом бароном Строгановым на следствии при особых полномочиях; по окончании чего был здесь, в Москве, только проездом и, отправясь в С.-Петербург, имеет там и донныне пребывание, где, как сказывают, ищет определиться по какому-нибудь министерству или даже в собственной Его Величества канцелярии...»⁴⁶ Благостную характеристику Нечаева Бенкендорф получил и от агента-литератора Ф. В. Булгарина: «Он человек смирный и, как слышно, добрый. Он пишет плохие стихи и плохую прозу и, желая поместить в “Полярной звезде” свои труды, весьма ласкал Алек. Бестужева и Рылеева во время их проездов чрез Москву. <...> Никто не слышал из его приближенных, чтоб он дурно относился о правительстве».⁴⁷

Во-вторых, уральская экспедиция превратила Нечаева в единственного на государевой службе специалиста по старообрядчеству и сектантству. Уже в 1827 г. он был определен в Святейший Синод, а в 1833 г. стал обер-прокурором, но в июне 1836 г. был смещен с этого

поста по докладу петербургского митрополита Серафима или даже самого Бенкендорфа. Для смещения было достаточно недовольства архиереев (которых обер-прокурор насмешливо величал «старички мои»), но не исключено (и это было бы «в-третьих»), что монарху шепнули о некоторых вновь открывшихся обстоятельствах уральского вояжа. В лице Клюквина и Пастухова Нечаев нашел ценных информаторов, но и они могли искать его покровительства, опасаясь Комиссии розыскания похищений золота. Во всяком случае, через десять лет оба были разоблачены как главы фальшивомонетчиков и тайных торговцев золотом. К началу 1836 г. завершились следственные действия в отношении 74 человек. Киприан Пастухов получил 50 ударов кнутом, был клеймен и отправлен на каторгу. Василий Клюквин наказания избежал, так как умер до окончания следствия.⁴⁸ Спустя полгода Нечаева, по словам одного его старинного друга-недруга, «разжаловали в московские сенаторы, и он попал опять на старое пепелище».⁴⁹

Жизни С. Д. Нечаева было отмерено еще четверть века, и, конечно, случались в ней и другие путешествия. Например, в 1847 г. он опять отправляется на Воды, только на сей раз германские. Однако травелогов он более не писал (даже в стол). Тем паче после 1826 г. ничего не публиковал. Печальные судьбы друзей-литераторов К. Рылеева, В. Кюхельбекера, А. Бестужева, Ф. Глинки навсегда отвратили его от мечты о собственной литературной славе.

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

RUSSIAN GENTLEMAN TRAVELING: S. D. NECHAEV'S 1820S TRAVELS

The study is focused on the traveler's Stepan Nechaev personality and the effects of two journeys made in the 1820s on this personality's growth. Despite their chronological proximity these two journeys differed significantly in a number of important characteristics. Nechaev traveled to the Caucasus in 1823 as a private person with the purpose of ethnographic studies and collecting material for his essays about this little-known region. The author hoped that these publications would earn him literary fame. A trip to the Ural was made in 1826–1827 in his official capacity, and his travel notes were not intended for publication but served as the materials for drafting reports to the authorities. In the Ural Nechaev studied the Old Believers and religious dissenters, and his future career in the Synod depended on the success of this mission. General political situation in the country also changed. The first trip was made during the liberal reign of Alexander I, while the second one fell on the troubled times after the defeat

⁴⁵ Из архива... 1893. Т. 2. С. 572–589, 662–672, 742–752, 827–838; 1894. Т. 1. С. 61–80, 143–153.

⁴⁶ Мухина С. Л. Указ. соч. С. 243.

⁴⁷ Видок Филляриин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 383.

⁴⁸ Бондаренко Ф. В. Экономические преступления в Екатеринбурге во времена «золотой лихорадки» первой половины XIX в. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв.: сб. науч. тр. Томск, 2008. С. 176–179.

⁴⁹ Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 435.

of the Decembrists' mutiny when young Tsar Nicolay I was inclined to suspect secret societies' activities everywhere. Nechaev was also earlier a member of one of such societies and was on friendly terms with K. Ryleev, A. Bestuzhev and other Decembrists, and even fell himself under suspicion of the gendarmes. However the three months spent in the Ural saved him from prosecution.

Keywords: *travel, traveling notes, travelogue, literature of travel, S. D. Nechayev, movement of Decembrists, Caucasus, Urals, Old Believers, sectarians, first half of the 19th century*

REFERENCES

- Beytuganov S. N. *Kabarda: istoriya i familii* [Kabarda: history and surnames]. Nalchik: Elbrus Publ., 2007. 784 p. (in Russ.).
- Blaramberg I. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Moscow: Izd. Nadyrshin Publ., 2010. 400 p. (in Russ.).
- Bondarenko F. V. *Ekonomicheskie prestupleniya v Yekaterinburge vo vremena «zolotoy likhoradki» pervoy poloviny XIX v.* [Economic crimes in Ekaterinburg at the time of “gold-rush” of the first half of the 19th century]. Khozyaystvennoe i kulturnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv. Sb. nauch. tr. [Economic and cultural development of the Urals and Siberia in the 19–21st centuries. Collection of scien. works]. Tomsk: Grafika Publ., 2008, pp. 173–181. (in Russ.).
- Chukarev A. G. *Taynaya politziya Rossii: 1825–1855* [Secret police of Russia: 1825–1855.]. Moscow, Zhukovskiy: Kuchkovo pole Publ., 2005. 704 p. (in Russ.).
- Glagoleva O. Ye. *Osnovatel narodnykh uchilishch Stepan Dmitrievich Nechaev* [Founder of national schools Stepan Dmitriyevich Nechayev]. Gordost zemli Tulskey (Zamechatelnye lyudi nashego kraya) [Pride of the earth Tula (Remarkable people of our edge)]. Tula: Priokskoe kn. izd-vo Publ., 1991, vol. 2, pp. 337–342. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Kisser T. S. *Etnoportret imperii v trudakh P. S. Pallas i I. G. Georgi* [Empire ethnoportrait in P. S. Pallas and I. G. Georgi's works]. Uralskiy istoricheskiy vestnik, 2015, no. 3 (48), pp. 59–69. (in Russ.).
- Karmov R. K., Yanova M. V. *Obzor istochnikov po proiskhozhdeniyu aula «Karmovo» (1793–1825 gg.)* [Review of sources by origin aul of “Karmovo” (1793–1825)]. Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl [Historical and social and educational thought]. Krasnodar, 2015, vol. 7, no. 5, part. 2, pp. 43–51. (in Russ.).
- Krasnokutskaya L. I. *Mery pravitelstva Rossiyskoy imperii po obustroystvu shotlandskikh kolonistov na KMV* [Measures of the government of the Russian Empire for arrangement of the Scottish colonists to Caucasus Mineralnye Vody region]. Karrasskie nauchnye chteniya, posvyashchennye 210-letiyu so dnya osnovaniya poselka Inozemtsevo: Mat-ly regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (sentyabr, 2012 g.) [The Karrassky scientific readings devoted to the 210 anniversary from the date of foundation of the settlement of Inozemtsevo: Mat-ly regional scientific and practical conference (September, 2012)]. Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza Publ., 2013, pp. 32–41. (in Russ.).
- Maleto Ye. I. *Russkie srednevekovyе khozheniya v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii. Istoriya i perspektivy izucheniya* [The Russian medieval hozheniye in a domestic and foreign historiography. History and prospects of studying]. Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAS, 2005, no. 5, pp. 38–63. (in Russ.).
- Mayga A. A. *Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra* [Literary travelogue: specifics of a genre]. Filologiya i kultura. Philology and Culture, 2014, no. 3 (37), pp. 254–259. (in Russ.).
- Mukhina S. L. *Bezvestnye dekabristy (P. D. Cherevin, S. D. Nechaev)* [Unknown Decembrists (P. D. Cherevin, S. D. Nechayev)]. Istoricheskie zapiski, 1975, vol. 96, pp. 231–251. (in Russ.).
- Plokhotnyuk T. N. *Obrazovanie shotlandskoy kolonii Karras v kontekste migratsionnoy politiki Rossii na Kavkaze (poslednyaya chetvert XVIII–XIX vv.)* [Formation of the Scottish colony Karras in the context of migration policy of Russia in the Caucasus (the last quarter of the 18–19th centuries)]. Karrasskie nauchnye chteniya, posvyashchennye 210-letiyu so dnya osnovaniya poselka Inozemtsevo: Mat-ly regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (sentyabr, 2012 g.) [The Karrassky scientific readings devoted to the 210 anniversary from the date of foundation of the settlement of Inozemtsevo: Mat-ly regional scientific and practical conference (September, 2012)]. Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza Publ., 2013, pp. 7–21. (in Russ.).
- Serkov A. I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg.: Entsiklopedicheskiy slovar* [Russian freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic dictionary]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 1224 p. (in Russ.).
- Shkerin V. A. *Ot taynogo obschestva do Svyateyshego Sinoda. Dekabrist S. D. Nechaev* [From secret society to the Holy Synod. Decembrist S. D. Nechayev]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Uni., 2005. 421 p. (in Russ.).
- Treskov I. V. *Etyudy o Shore Nogmove* [Etudes about Shor Nogmov]. Nalchik: Elbrus Publ., 1974. 199 p. (in Russ.).
- Vatsuro V. E. *Lirika pushkinskoy pory: «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of a Pushkin time: “Elegiac school”]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 240 p. (in Russ.).